
**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

АЛЕКСАНДР АРСЕНТЬЕВ

**ПУТЬ
ЛИКВИДАТОРА**

**МОСКВА
2017**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
А85

Серия основана в 2010 г.

Разработка серийного оформления
художника *А. Матвеева*

В оформлении переплета использована работа
художника *Е. Деко*

Арсентьев, Александр Сергеевич.

А85 Путь ликвидатора / Александр Арсентьев. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. —
(Новые герои).

ISBN 978-5-699-95430-8

Сергей Решетов даже на свет появился при экстремальных обстоятельствах. Его мать была на последней стадии лучевой болезни. Тем не менее Сергей родился совершенно здоровым. А дальше этого «чудо-ребенка» ждала тяжелая жизнь. Детдома, спецприемники, армия, особое подразделение, тюрьма, бунт, новый этап... другой мир, где пришлось драться уже не только с людьми...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95430-8

© Арсентьев А.С., 2017
© ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

Начальник тюрьмы одного из провинциальных городков в полнейшем смятении вошел в кабинет и захлопнул за собой массивную дверь так, что повалилась штукатурка. Вытащив из кармана связку ключей, с трудом нашел в ней подходящий и заперся в своей «резиденции». На ватных ногах он проследовал к допотопному, обшарпанному сейфу, достал из его недр ополовиненную бутылку «Пшеничной», граненый стакан и блюдце с засохшей нарезанной колбасой. Трясущимися руками мужчина наполнил тару и торопливо, словно кого-то опасаясь, ее опорожнил. Не уделив внимания непрезентабельной закуске, он раздраженно ослабил душащий галстук и, расстегнув ворот форменной рубахи, тяжело плюхнулся в старое кожаное кресло. С минуту посидев глядя в одну точку, он вдруг обхватил потными руками лысеющую голову и тихонько застонал...

Сегодняшний день подполковника Семенова можно было с полной уверенностью назвать катастрофическим. В пять утра он был поднят из теплой постели телефонным звонком — звонил заместитель дежурившего ночью капитана Лескова, прапорщик Евстафеев. С истерическими нотками в голосе он доложил о гибели Леско-

ва и беспорядках, назревающих в стенах тюрьмы. Шепотом матерясь, Егор Петрович покинул мирно дремавшее рядом дородное туловище супруги Клавы и, спешно облачившись в наглаженный китель, отбыл в направлении вверенного ему объекта. То, в каком виде предстала пред ним его вотчина, едва не довело Семенова до инфаркта: со всех сторон к тюрьме стягивались подразделения МВД, сияя мигалками и нарушая тишину, царящую на улицах просыпающегося города, противным и многоголосым воем сирен. Из некоторых окон здания следственного изолятора валил черный дым, а из-за толстых стен неслись матерные выкрики и леденящие кровь вопли. Милицейское начальство всех рангов тактично терлось в сторонке, видимо — принимая решение по штурму злополучного заведения. Семенов вытер пот с широкого лба и нетвердой походкой направился к собратьям по оружию.

Дальше... штурм, во время которого погибли шестеро сотрудников и десять — получили ранения различной степени тяжести; тушение очагов пожара силами трех пожарных расчетов, жестокое подавление активности наиболее радикально настроенных заключенных и устранение последствий страшного стихийного бунта...

Семенов плеснул в стакан еще грамм пятьдесят спасительной влаги, выпил и занюхал жестким кусочком сервелата. Внезапно он громко выругался и в сердцах ударил по столу мощным кулаком. А ведь еще вчера все было так хорошо! От лица министра он был награжден почетной грамотой за долгую и добросовестную службу. До пенсии оставались считанные дни, а в пятидесяти километрах от горо-

да, на берегу маленького озера, томился в ожидании хозяина небольшой коттедж, в котором можно было спокойно коротать долгие дни заслуженного отдыха: ловить рыбу и ковыряться в огороде. А теперь вот как?! Гребаный Лесков!!! Ведь говорил же ему, выродку, — не зажимай так экзов! Какие-никакие, а люди все ж. Так нет же! Затравил псом ночью блатного, и не кого-нибудь — самого Вартана — смотрящего. Естественно, братва, настропаленная в последнее время малявами с воли, призывающими к достойному ответу ментовскому беспределу (одну из таких на днях бдительные сотрудники нашли в подушке экка), кинулась на защиту авторитета. Долбаный капитан, земля ему наждаком! Не погибни он в заварухе, самолично удавил бы!

Невеселые раздумья подполковника были прерваны противным треском служебного телефона. Семенов недовольно покосился на казенный аппарат и нехотя снял трубку:

— Семенов у телефона!

— Товарищ подполковник, к вам посетитель, — боязливо пролепетал из динамика голос дежурного по КПП — прапорщика Цымбалюка.

— Кого там еще принесло?! — рявкнул Егор Петрович — сегодня он имел уже достаточно нелицеприятных бесед со взыскательным начальством.

— Майор СВР, Логинов Дмитрий Валентинович, — чуть ли не шепотом произнес Цымбалюк.

— Е-мое! Пропустить немедленно! — радостно возопил подполковник.

— Есть — пропустить! — гаркнул исполнительный прапор.

Но Семенов уже не слушал подчиненного — он извлек из сейфа непечатую бутылку виски, второй

стакан и коробку шоколадного ассорти. Затем отпер замок на двери кабинета и даже слегка приоткрыл ее. Димон, чтоб его! Сколько же они не виделись — лет десять или и того больше? Последний раз — в Москве, на всероссийском съезде работников МВД!

Через несколько минут в дверь постучали, и, без приглашения, в кабинет Семенова пружинистой походкой вошел моложавый поджарый человек в штатском, широкой улыбкой приветствуя хозяина апартаментов.

— Ну, здравствуй, Егор!

— Димка, ты какими судьбами здесь?! Вот уж кого никак не ожидал увидеть, так это — тебя! Неужели сам навестить решил? — Семенов с долей иронии хитро прищурился.

— Врать не стану, не сам — по службе. Но очень рад тебя видеть, — искренне ответил Логинов и, следуя пригласительному жесту, присел на стул, который гостеприимный хозяин придвинул к накрытому столу.

— Ну, давай за встречу! — Семенов открыл дорогой напиток и плеснул виски в стаканы.

Гость помедлил, словно нехотя, взял стакан и, чокнувшись с подполковником, едва пригубил напиток.

— А ты, Егор, смотрю — уже не в первый раз сегодня тонус поднимаешь? — негромко спросил Логинов и кивнул на остаток водки и засохшую закуску, которые второпях забыл убрать подполковник.

— Эх, Димка! Сегодня с самого утра такая карусель, что... — Семенов горестно взмахнул рукой.

— Наслышан. — Майор пронизательно взглянул на старого друга.

— Слушай, а ты, часом, не по этому делу ко мне пожаловал? — подозрительно взглянул на собеседника Егор Петрович.

Логинов слегка смутился, несколько секунд подумал, словно подбирая слова, и грустно улыбнулся:

— Отчасти — и поэтому тоже.

— Твоя контора что — теперь и тюрьмы инспектирует? — ехидно воззрился на собеседника Семенов. — Вот уж не ожидал!

— Все немного не так, дружище, — поднял руку в успокаивающем жесте Логинов. — Ты, как я понимаю, сейчас в глубокой... — Подполковник удрученно кивнул. — Так вот, есть у тебя один маленький шанс исправить свое нелегкое положение... — Дмитрий многозначительно умолк.

Егор Петрович, не веря собственным ушам, недоверчиво взглянул на Логинова. Кем возомнил себя этот майор? Как можно сейчас что-то исправить?! Когда шестеро погибли (зэки, конечно, не в счет)! Когда об инциденте уже знают на всех уровнях, вплоть до министерства!! Когда местные журналоги и телевизионщики, мать их, уже готовят к выходу свои сюжеты и статьи!!!

— И... и... как... теперь? — судорожно сглотнув слюну, едва ли не прошептал начальник тюрьмы и, прослезившись, словно на ангела-спасителя, взглянул на собеседника.

Майор загадочно улыбнулся и с видом доброго волшебника вытащил из внутреннего кармана пиджака сложенный лист бумаги.

— Для начала — прочти сей документ, а детали мы обсудим потом.

Трясущимися руками Семенов осторожно взял «магический» документ, якобы способный исправить его безнадежное положение. Под действием спиртного голова соображала весьма туго, поэтому Егор Петрович неоднократно прочитал содержимое, никоим образом не вязавшееся с его спасением от должностного расследования.

— Ну и?.. — растерянно посмотрел он на улыбающегося Логинова. — «Предоставить в распоряжение... для этапирования». Дима, я не понимаю.

— Ты на подпись посмотри, — улыбнувшись, посоветовал майор.

Семенов перевел рассеянный взгляд вниз, протер глаза и вновь перечитал написанное. На какое-то время старый служака впал в полнейший ступор и с полуоткрытым ртом уставился на Дмитрия, словно видел его в первый раз. Наблюдая за товарищем, Логинов сокрушенно покачал головой, поднялся с места и плеснул в стакан подполковника добрую порцию виски.

— Ты, Петрович, выпей — полегчает. И присядь — в ногах правды, как ты знаешь, нет. Я тебе сейчас все растолкую.

Семенов оторопело опустил в свое кресло, послушно выпил и, ловя каждое слово, внимательно выслушал длинный монолог собеседника. По мере повествования лицо Егора Петровича все больше вытягивалось и, когда Логинов наконец закончил, своим выражением напоминало нерадивого ученика, выслушивающего речи мудрого учителя.

— Вот так — просто?! — изумленно протянул он.

— Ты считаешь, что человек, расписавшийся здесь, неспособен решать подобные вопросы? — вопросом на вопрос ответил майор.

— Да... — потрясенно выдохнул Семенов и внезапно встрепенулся: — А как же местные СМИ?!

— Поверь, Егор, там уже все улажено — ни слова о произошедшем здесь не попадет в эфир. Пойми ты: учения у вас происходили! По возможности устранению беспорядков во вверенном тебе объекте.

— А погибшие? А зачинщики бунта?! — находясь на грани нервного срыва, воскликнул подполковник.

— С погибшими — разберемся! — сухо ответил Логинов. — В этом направлении уже работают, так что не бери в голову. Теперь что касается зачинщиков и наиболее отличившихся... — На секунду майор умолк и, взглянув прямо в глаза собеседника, словно гипнотизер, негромко и твердо произнес: — ...все они приговорены к пожизненному заключению; приговор уже вступил в силу и обжалованию не подлежит. С этой минуты они переходят в мое распоряжение, и я займусь их этапированием к месту исполнения наказания

— Но ведь даже я пока что не знаю подробностей произошедшего в полном объеме! — потрясенно промолвил Егор Петрович. — Нужно проводить внутреннее расследование, устанавливая личности виновных, устраивать очные ставки! А ты говоришь — приговор вступил в силу! — Он сокрушенно помотал головой. — В отношении кого — вступил?!

— А вот как раз этим, дорогой мой друг, мы сейчас и займемся! — Логинов вновь широко улыбнулся

ся и хлопнул подполковника по плечу. — Распорядись принести личные дела и медицинские карты подопечных.

Семенов послушно кивнул и с мольбой поднял на майора растерянный взгляд:

— Слушай, Дим, ради чего все это?

Взгляд Логинова внезапно стал жестким и не-приветливым.

— А вот этого, Петрович, я тебе сказать не могу. Сам понимаешь — служба!

Седой

Уже третьи сутки страдали заключенные в тесном купе столыпинского вагона. Жара в это лето была в буквальном смысле невыносима. Что уж говорить про узников, которых в количестве четырнадцати человек затолкали в настоящий ад на колесах. Несмотря на то что все остальные камеры были свободны, зэков, словно животных, забили в одну — так было удобно конвоирам. Вообще-то конвой был приятно удивлен этим необычным спецрейсом — в таком малом количестве никто из них еще не перевозил заключенных. Если бы не адская жара, то поездку можно было бы назвать увеселительной.

— Седой, может, цифиру замутим? — лениво поинтересовался пожилой зэк, смахнув капли пота с куполов церкви, вытатуированной на широкой груди.

— А мотор у тебя не накроется? — мрачно ответил мужчина лет тридцати с небольшим и взъерошил свои абсолютно белые от седины короткие волосы. — Коваль, на твоём месте я бы поостерегся — годы не те.

— И то правда! — вздохнул Коваль. — Когда после бунта прессовали, скрутило, аж жуть!

— Это сколько ж здесь градусов?! — свесившись с верхней полки, воскликнул молодой щуплый парень.

— Полтинник, если не больше! — важно ответил Коваль и шутя щелкнул молодого по носу. — Не маячь — без тебя тошно.

— Эй, командир! — крикнул дородный, весь покрытый потом мужчина и несколько раз ударил своим кулачищем по решетчатой двери камеры.

В коридоре слышались тяжелые шаги, и вскоре сквозь решетку на арестантов воззрилась недвольная рожа конвоира.

— Чего надо? — прохрипел сержант, вытирая форменной кепкой вспотевший лоб.

— Слышь, командир, воды принеси! Глотки пересохли — сил нет!

— Потерпишь. Через пару часов на место прибудем, так что — собирайте манатки. — Здоровенный детина наигранно зевнул и, развернувшись, направился восвояси.

— Хрен тебе в ухо! — процедил сквозь зубы толстяк и крикнул уже громче: — Куда прибудем-то?

— Там все и узнаешь! — раздалось из глубин «продола».

— По ходу — в Карелию едем, — подал голос сверху Череп. — Ночью конвой что-то про Петро-заводск лопотал.

— Странно как-то все, — задумчиво произнес Седой и почесал переносицу, от которой к скуле протянулась белая полоска шрама. Зеленые глаза смотрели в одну точку, а лоб парня был нахмурен. — Ни суда, ни допросов — взяли и повезли...

— Раньше думать надо было, — буркнул толстяк и недобро сверкнул водянистыми глазами, — когда капитану шею сворачивал. Теперь вот все едем — незнамо куда.

Седой ответил ворчуну холодным, словно блеск отточенного лезвия, взглядом и промолчал. В отличие от него, Коваль не смог оставить без внимания отпущенную реплику — длинными худыми пальцами с синими перстнями он схватил за кадык недовольного и, с силой сдавив, прошипел:

— А что бы ты, сука, делал, если бы тебе стволом в лоб уперлись?! Пацан все по понятиям сделал — не забздел. За это ему везде уважуха будет — куда бы ни попал. А ты, мразь, только о своей поганой шкуре думал, когда кипиш поднялся. — Коваль залепил толстяку широкой ладонью в лоб, отчего тот свалился на пол.

— Да ладно, Коваль, ну его — пусть живет, — миролюбиво вмешался Седой. — Не хватало еще самим в этом собачнике перегрызться.

Коваль криво усмехнулся и недовольно покачал головой:

— Смотрю я на тебя, Серега, и удивляюсь: вроде не блатной, а пацан правильный — не подкопаешься. Ты чем по жизни занимаешься, если не секрет?

— По жизни — живу! — улыбнулся Седой. — А ты, если на исповедь развести меня задумал, сан священника получи для начала!

— Ладно, говорливый, — с долей иронии проворчал Коваль. — Ты меня еще жизни поучи!

Седой ответил ему хищной улыбкой и промолчал, не желая ввязываться в базар «за жизнь». Как показывала эта самая «жизнь» — гораздо выгоднее было уметь по-настоящему слушать, нежели трепать языком. Сергей катнул желваки и понуро уставился в одну точку. Жизнь...

Жизнь Сергея Решетова началась в убогой провинциальной больнице, куда доставили его бере-